

Сергей Раткевич

Кровь невинных

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2453525
От легенды до легенды: сборник.: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51424-3*

Аннотация

«– А на самом деле ты должен его убить, – произносит отец. – Подойти, рывком повернуть к себе и перерезать горло.

– Убить? Горло перерезать? Но зачем? – ошарашенно выдыхаешь ты. – Разве он в чем-то виноват?

– Тебя должна обагрить невинная кровь, – отвечает отец. – Тебя... и всех остальных. Только в этом случае заклятие обретет должную силу и мы сможем быть уверены в успехе...»

Сергей Раткевич

Кровь невинных

– А на самом деле ты должен его убить, – произносит отец. – Подойти, рывком повернуть к себе и перерезать горло.

– Убить? Горло перерезать? Но зачем? – ошарашенно выдыхаешь ты. – Разве он в чем-то виноват?

– Тебя должна обагрить невинная кровь, – отвечает отец. – Тебя... и всех остальных. Только в этом случае заклятие обретет должную силу и мы сможем быть уверены в успехе.

– Только в этом? – зачем-то переспрашиваешь ты.

– Только в этом, – непререкаемо говорит он. И добавляет: – Это твой долг, сынок. Сам посуди, ну что может значить жизнь двенадцати простолюдинов, когда решается судьба страны?

«Двенадцати... значит, они все умрут... все... должны умереть...» – проносится в твоей голове.

– Но... убить так подло... напасть неожиданно... практически ударить в спину... не дать возможности защищаться... разве так можно поступать с человеком, кем бы он ни был? – бормочешь ты, запинаясь. – Даже с простолюдином? Боги...

– Забудь о них, – обрывает отец. – Я возьму на себя этот грех. Думай о том, ради чего ты все это делаешь.

О да, ты хорошо помнишь, *ради чего*. Весь мир тускнеет, когда ты об этом помнишь. И все-таки...

– Но разве нельзя нормально вызвать его на поединок? – тем не менее пытаешься возразить ты. – Раз уж нельзя иначе, раз непременно нужно его убить... давай я просто вызову его на бой и убью в честном поединке?

Отец бросает на тебя недовольный взгляд, но ты не останавливаешься.

– Раз он принимал вместо меня присягу – не такой уж он теперь простолюдин. Он достоин скрестить клинок с сыном графа и честно пасть от моей руки. Разве я не прав?

– Ты прав. Но... ты сделаешь то, что я сказал, – с тяжелым вздохом отвечает отец. – Только это. Никаких поединков. Мы не можем так рисковать.

– Ты считаешь, что я не смогу его одолеть, отец? – с обидой спрашиваешь ты.

– Я считаю, что нельзя нарушать предписания мага, – отвечает он. – А маг предписывал покончить с вашими двойниками именно таким способом.

– Но это же нечестно! – само собой вырывается у тебя. – Они же ни в чем не виноваты!

Глупость, конечно, при чем здесь виноваты – не виноваты? Когда решаются судьбы целых государств, отдельно взятый человек, пусть даже и благородной крови, – песчинка в куче песка, а такие, как эти, – таких и вовсе считать никто не станет, нужны они кому...

– Они так надеялись сражаться вместе с нами! – Твой голос звучит почти жалобно. – Мы же обещали им это!

– Вот пусть и умрут с этой надеждой, – откликается отец. – Зачем их разочаровывать? Их смерть укрепит вас, когда вам придется сражаться, а они отдадут свои жизни за великое дело. Если ты помнишь, именно в этом они и клялись, вместе с вами: *отдать жизнь за великое дело*. Они всего лишь выполняют свою клятву. Отдадут жизнь.

– Но не так же! – восклицаешь ты.

– А почему, собственно? – спрашивает отец. – Они клялись умереть – они умрут, их жизнь не пропадет напрасно – маг об этом позаботился. Умирая, они отдадут свои жизненные силы вам. Вы станете сильнее, удачливее. Сила и удача – важные качества для заговорщиков.

– Они надеялись умереть, сражаясь, – мрачно роняешь ты.

Отец слегка морщится.

– Ни один простолюдин никогда не сможет по-настоящему сражаться. Каким бы сильным и ловким он ни был, он остается простолудином. Воином нужно родиться. Я понимаю, что тебе нравится твой двойник, возможно, ты испытываешь к нему некую привязанность или даже какие-то дружеские чувства, но пойми, у него нет другого пути. Он должен умереть. Сегодня. Сейчас. Нет другого пути и у тебя. Ты должен пойти и убить его. Я бы с радостью взял это на себя, но... именно тебе предстоит действовать дальше. Именно тебя должна укрепить эта жертвенная кровь.

– Я бы хотел знать об этом с самого начала! – продолжаешь упорствовать ты. – Я же считал его своим соратником... оруженосцем... Я привык к нему! А теперь... за что я должен его убить?

– Хотя бы за то, что он, простолюдин, посмел принести присягу королю вместо тебя, сына графа, – отвечает лорд Лэдон, граф Донгаиль, отец.

– Но ведь мы же сами приказали ему сделать это!

– Вот именно. Сами приказали, сами и накажем, – раздраженно откликается он. И, помолчав, добавляет: – А ты думал спасти свою несчастную родину в белых перчатках? Увы, сынок... не получится. Проклятый узурпатор пролил реки крови. Благородной, между прочим, крови. Взошел на трон по грудам трупов. А от тебя всего-то и требуется убить одного-единственного простолюдина. Неужто это такая большая жертва ради всеобщего блага? Ради восстановления поруганной справедливости? Ради мести ненасытному тирану и всему роду его? Не ты, а он будет виновен в смерти этих двенадцати!

Ты молчишь, ты думаешь о том, узнает ли умерший два года назад «ненасытный тиран» об этой мести. Увидит ли ее свершение твой собственный дед, переживший узурпатора всего на полгода? «Кровавая династия должна быть смыта кровью!» – шепчет он тебе из своего посмертия.

И ему совершенно не важно, чья это будет кровь, как она будет пролита и кем.

Ты отворачиваешься от деда и смотришь в глаза отцу. Долго смотришь.

«От мертвого легко отвернуться», – обиженно бурчит дед за твоей спиной, но ты не обращаешь на него внимания. Потом. У мертвых сколько угодно времени, тогда как живые...

– Пойми, мы слишком далеко зашли... – говорит твой отец и первым отводит глаза.

Он отвел взгляд, признал себя неправым, но что с того? Лучше бы он был уверен в своей правоте и продолжал смотреть. Потому что... если бы он не отводил взгляда... кто знает, быть может, что-нибудь изменилось бы... а так... а так все остается по-прежнему.

Он признает свою неправоту, но продолжает настаивать на выполнении приказа. По праву старшего, отца, графа, наконец...

– Так почему мне не сказали об этом раньше? – спрашиваешь ты. Ты уже понял, что ничего не изменить, но... глупая детская привычка спорить с неизбежным...

– Никому из вас не сказали, – глухо откликается твой отец. – Никому, понимаешь? Слишком все серьезно, чтоб доверить такое мальчишкам. Даже наложив на них заклятие молчания.

– Но заговор вы нам доверили, – безжалостно бросаешь ты. – Доверили мальчишкам...

– Заговор – дело благородное, а это... необходимая мерзость, – выдавливая из себя лорд Лэдон. – Поверь, если бы я мог... я бы все сделал сам!

Он отворачивается. Тебе больно видеть его сгорбленную спину. Где-то в глубине души ты все еще видишь его самым сильным, самым смелым и самым благородным. Ведь именно так мальчишки видят своих отцов. Ты предпочел бы взять все свои слова обратно и зарезать кого угодно, чтобы никогда этого не видеть, но... ты просто не можешь остановиться.

«Я бы все сделал сам?»

– Тем не менее честь зарезать тех, кого мы считали своими друзьями, выпала именно нам, – говоришь ты.

Отец горбится еще сильнее. Тебе вдруг кажется, что он стал меньше ростом. Это почти пугает, но... этот согбенный старик упрямо стоит на своем.

– Да. Это честь выпала именно вам, Уллайн. Так уж вышло. Любой, кому пришлось бы совершить такое, был бы несчастен. Но кто-то же должен это сделать. Это. И все остальное.

Неприятный голос, неприятный тон... горький, резкий, язвительный...

– Сделать. И быть несчастным? – вырывается у тебя.

– Это ваш долг, – отвечает он.

«А ведь мечталось, что все будет красиво...»

«Кровавая династия должна быть смыта кровью».

Один из первых ручейков тебе предстоит пролить прямо сейчас.

Рукоять клинка холодная, как могила, а лезвие острое... очень острое... достаточно одного движения. Только одного. Этот бедняга и понять-то ничего не успеет...

Он сидит и ждет своего последнего посвящения. После которого он примкнет к заговору уже с полным правом. И будет сражаться со всей возможной доблестью, защищая своего господина и сокрушая кровавую династию. Он и представить не может, чем будет для него это самое «посвящение». Оно и к лучшему, что не может.

Подобранный на улице голодный, нищий мальчишка... мальчишка, которого подбирает добрый господин граф, подбирает, чтоб воспитывать наравне с собственным сыном... мальчишка, душой и телом преданный своему господину, готовый жизнь отдать за него... *если бы он только знал...* лучше ему до самого конца ничего не знать. Если бы тебе довелось оказаться на его месте, ты бы предпочел не знать. Впрочем, нет, ты бы предпочел вовсе не быть. А он...

Ты стоишь и ждешь, пока рукоять согреется в твоей руке, но она остается холодной.

Ты и не думал, что это будет так трудно. Но ведь недаром же говорят: «Клятва, которую легко исполнить, не стоит потраченного на нее времени».

– Иди, – говорит отец. Поникший, усталый... непреклонный.

– А тело? – спрашиваешь ты. – Его нужно куда-нибудь... или оставить там?

– Не будет никакого тела, – отвечает он. – Кинжал магический. Все, что останется, – горсть пепла. Я сам позабочусь о том, чтоб ее убрали. Иди же! – повторяет он, и ты выходишь из дома.

Исполнить долг. Убить. Оставить от своего двойника горсть пепла. От того, кого считал своим будущим оруженосцем, соратником, кто мечтал сражаться с тобой, заслонять тебя своим телом... кто, быть может, готов был погибнуть ради тебя... что ж, ради тебя он и погибнет, вот только...

Ты идешь и думаешь о том, что случилось полвека назад. Что стало твоей жизнью с момента рождения. Как только ты смог хоть что-то понимать – тебе рассказали об этом. И наложили заклятие молчания, чтоб не сболтнул лишнего. А так хотелось похвастаться! Ну хоть кому-нибудь!

Некоторые рождаются для того, чтоб всю жизнь повиноваться, другие – для того, чтоб повелевать ими. Ты был рожден для служения. Чтобы исполнить долг. И так хотелось поделиться этим... ну, хоть с кем-нибудь. Но было нельзя. Ни с кем, кроме отца и других лордов, затеявших все это. А также их сыновей. Таких же, как ты. Рожденных для служения высшей цели.

Но высокие лорды нечасто собирались вместе, опасаясь, что их заподозрят. И еще реже ты встречался со своими будущими соратниками.

А потом появился он. И тебе объяснили, для чего он понадобился. Совсем не так объяснили. Никто не сказал тебе, что придет время и ты должен будешь его убить. Он был частью

великого замысла – частью не столь значимой, но тем не менее необходимой для великой цели. С ним можно было поговорить обо всем. В том числе и о том, что вам предстояло. Заклятие молчания не связывало вас в отношении друг друга. Друг другу вы могли все рассказать о высокой цели, о долге и мести. О своих мечтах. Ты не знал, *что* вам предстоит на самом деле. Ты узнал только сегодня. И что с того, что ты так и не подружился с ним? Сыну графа не с руки дружить с простолюдином? Верно. Не с руки. Вот только... готов ли ты его убить? Ах, не готов? А отца послушаться? А дело великое предать?

Ты идешь и думаешь о том, что случилось полсотни лет назад.

Тебя не было, когда все это происходило, ты еще не родился, но тебе столько раз об этом рассказывали, что ты почти воочию видишь все это.

Дворцовый пол, залитый кровью. Ее так много... свежей... еще дымящейся... и мертвых тел тоже много... их еще не успели вынести. Их вынесут, чтобы бросить собакам. Лучших из лучших, благороднейших мужей и прекраснейших дев... всех, кто состоял хоть в каком-либо родстве с королем Линниром или был ему другом, советчиком... всех.

Король... он умирал дольше других... узурпатору очень хотелось вызнать у его величества какие-то тайны... но король Линнир так ничего и не сказал, и тогда разгневанный узурпатор зарезал его лично. Священная королевская кровь выплеснулась на мрамор дворцового пола.

Кровь... кровь... много крови... невинной, благородной крови... ее куда больше, чем предстоит пролить тебе... и ведь не просто так, верно? Последний, чудом уцелевший потомок истинного короля – твой соратник по заговору. Он должен занять место своего великого деда.

Тогда, полсотни лет назад, дед ныне правящего мерзавца, коего теперь приходится называть королем, был всего лишь герцогом, вассалом короля Линнира. Маленькое, ничтожное герцогство Рэннэин ютилось в сени великого королевства Эрналь, пользуясь всеми преимуществами дружбы с сильным соседом.

И до поры до времени герцог Рэннэин вел себя как благородный лорд и истинный вассал, ничем не проявляя свою мерзостную сущность. Никто не знал, что уже тогда в его черном сердце свили свое гнездо зависть и ненависть. Что он уже замыслил предательство. Одна за другой сыпались на него королевские милости, и все менестрели королевства пели ему хвалу. Но герцог Рэннэин лишь выжидал удобного момента. Достаточно удобного, чтобы нанести смертельный удар своему сюзерену и покровителю. И такой момент настал.

В любом королевстве бывают неблагоприятные времена. Случилось так, что королевская казна Эрналя почти опустела, тогда как герцог Рэннэин, наоборот, сильно разбогател. И стали роптать жители королевства Эрналь, попрекая собственного короля и невежливо указывая ему на его расторопного вассала. И даже благородные лорды роптали. Вассал же не спешил делиться невесть как нажитыми деньгами, изыскивая все новые и новые причины, чтобы отказать своему сюзерену. Тогда же случился и бунт в армии. Когда долго нет денег, солдаты всегда бунтуют. Неизвестно, поспособствовал ли герцог Рэннэин этому бунту, или же он случился сам собой, но только повел герцог себя совсем не так, как надлежит действовать верному вассалу. Вместо того чтобы выступить от имени его величества Линнира и подавить бунт, он предложил солдатам денег, если они поддержат его против короля. Кроме того, он и сам собрал немалое войско. Пользуясь тем, что удержать его было некому, он ворвался в Эрналь, с необычайной яростью принуждая всех к покорности. Благородные лорды, собрав собственные дружины, пытались оказать ему сопротивление, но он и его наемники были столь неистовы, что никто не мог устоять перед ними. Сломив сопротивление оставшихся верными королю армейских частей, узурпатор захватил столицу и дворец с королевской семьей и многими благородными лордами и леди. Он уничтожил всех. Многих – собственноручно. Герцогу Рэннэину нравилось убивать.

Одиннадцать спасшихся благородных лордов собрались тогда в замке твоего деда, решая как быть дальше, как продолжать борьбу. Все решил приезд двенадцатого лорда. Герцога Искера. Потому что кроме остатков своей дружины он привез с собой беременную от уже покойного короля юную фрейлину Альрис, которой чудом удалось бежать из дворца. А это значило, что династия еще не прервалась, и если леди Альрис родит сына... Кроме того, герцог Искер предложил план, поначалу возмутивший сторонников немедленного продолжения борьбы, но, поразмыслив, благородные лорды убедились, что герцог Искер прав.

Тогда-то и был составлен тот план, что ведет тебя и всех остальных. Маг появился несколько позже. Заговорщики долго искали такого, который бы им подошел. А тогда... обговорив все детали и условия заговора, они вернулись в столицу и присягнули новому королю, уже водрузившему на свою голову не просохшую от крови корону и всю раздающему чины и почести пришедшим с ним наемникам и прочим мерзавцам и предателям.

Вновь прибывших посчитали такими же. Узурпатор был очень обрадован их появлением, ведь сражаться с ними со всеми было бы нелегкой задачей даже для него. Герцоги и графы присягнули новому королю, тем самым лишая себя права на месть. В народе их тотчас прозвали лордами-предателями.

Каждый раз, когда ты слышал это, тебя возмущала отвратительная несправедливость черни. Узурпатора, искупавшегося в крови, прославившегося чудовищной жестокостью, уже через год преспокойно звали королем, а тех, кто всего лишь склонился перед неизбежным, до сих пор называют предателями. И ведь они никому не могли открыть правды!

Одним из этих великих стариков был твой дед, лорд Эльстарн, граф Донгаиль. Он воспитал отца, передал ему все необходимые качества, он готовил его так же, как отец потом готовил тебя. Тогда-то они и нашли мага, сделавшего то, что должно было сделать для тебя и твоих соратников.

Когда тебе исполнилось пять лет, ты получил двойника – мальчишку, подобранного на обочине дороги, нищего бродяжку Хести. Маг заколдовал его таким образом, что он походил на тебя, словно ты смотрелся в зеркало. С этой минуты с ним обращались так же, как с тобой. Одевали так же, кормили за тем же столом, обучали, воспитывали... ему все рассказали так же, как и тебе, и маг точно так же наложил на него заклятие молчания. Только отец и маг знали, как вас различить. Только отец и маг знали, для чего двойник нужен на самом деле. До сегодняшнего дня ты тоже считал, что знаешь это.

Пришел день, и Хести принес вместо тебя присягу его величеству Ремеру, внуку покойного узурпатора. Ты, сын графа, не приносил присяги королю Ремеру, потомку кровавого мерзавца. Вместо этого ты принес присягу лорду Челлису. Единственному наследнику законного короля Линнира. Тому, кто возглавит страну, когда внук узурпатора будет свергнут.

У тебя и двенадцати твоих соратников развязаны руки. Вы не приносили вассальной клятвы. Вы – свободны. Ваши отцы и деды сплели и упрочили все нити заговора. Внук узурпатора, сам того не ведая, оказался как бы опутан незримой паутиной. Пройдет еще недолгое время, и он забьется внутри прочных жестких тенет. Это случится скоро. Очень скоро.

Но для того, чтобы это случилось, нужен еще один шаг. Тот, о котором тебе не сказали заранее. Тот, о котором ты узнал лишь сейчас. Деды и отцы все сделали для вашей победы. Ничем не побрезговали. Переступили даже через собственную честь. А ты? Неужели ты споткнешься на такой малости? Неужто твое место придется занять другому? И кому? Твоему отцу? Но ведь он давал проклятую присягу, а она – магическая. Она держит. Не дает действовать в полную силу и – самое главное – лишает удачи. Неужто весь заговор – такой долгий, трудный! – провалится из-за тебя? Из-за твоей неспособности перерезать чью-то глотку?

Ладонь, державшая рукоять клинка, вспотела. Ладонь вспотела, но рукоять все равно – холодная.

Вытираешь руку о куртку.

Еще раз.

Все. Ты пришел.

Здесь он и ждет. В этой маленькой замковой часовенке.

Войти и убить. Увидеть, как кровь выплеснется на родовой алтарь. И жить дальше. И победить. Пройти все до конца, оглянуться и понять: все, что сделано, – сделано не зря.

Все.

Даже это.

Ночь. Звезды. Кинжал в твоей руке. Долг за твоей спиной, как огромная и холодная гора. Кажется, что во всем мире не осталось ничего теплого, а рукоять кинжала сделана из камня этой горы.

Хватит об этом.

Пришло время действовать.

Отец ждет.

А где-то там, за порогом жизни, еще сильнее ждет дед.

Вперед!

* * *

Дверь открывается совершенно бесшумно. Кто-то заранее смазал петли. Впрочем, Хести все равно не повернется. Он исполняет ритуал. Он знает, что сейчас к нему подойдешь ты и положишь руки на плечи. А за твоей спиной встанет маг, произнося слова древнего заклятия, которое сделает вас обоих вдвое сильнее и окончательно закрепит вашу связь «рыцарь – оруженосец». Хести не знает и уже не узнает, что магу нет необходимости приходить сюда, чтобы совершить свое колдовство, а ты... ты явился совсем с другой целью. Он стоит на коленях, накинув на голову капюшон плаща, стоит и ждет свершения таинства. Полумрак, словно кокон, охватывает его одинокую фигуру, а свечи горят тускло и тревожно.

Шаг... еще шаг... ровно, спокойно... так немного этих ровных и спокойных шагов... и уже ничего не изменить, и даже вспоминать, как вы когда-то в детстве вместе играли, – поздно... для всего поздно. Ты – рожден для служения. Он – для гибели. Тебя ведет долг. Его ожидает смерть.

Шаг... еще шаг...

Хватаешь за плечо, рвешь на себя, занося кинжал, и замираешь...

Потому что это совсем другое плечо.

Другое.

Эта рука никогда не знала тяжести меча. Это тело ни разу не пробовало воинских упражнений. Это вовсе не...

Ты отшагиваешь, а скрытый плащом незнакомец, вскочив и стремительно развернувшись, бросается на твой кинжал. Всем телом, силясь найти собой ускользящую смерть. Успеть умереть до того, как ты...

Ты отшатываешься, отводя оружие, и он налетает на тебя всем телом. И ты замираешь вновь, потрясенный пуще прежнего. Ты не можешь не узнать это тело. Не можешь... не можешь... Ведь это все равно что не узнать рассвет и закат, дождь и ветер, саму жизнь...

Она всегда приходила к тебе, когда ты этого хотел, отдаваясь твоей власти, покоряясь твоим ласкам, она...

Это не Хести ждал тебя в замковой часовне, чтобы пасть от твоей руки. Тебя ждала Роуни.

– Проклятье, Роуни, что ты здесь делаешь?! – с ужасом восклицаешь ты.

– Убей! – выдыхает она. Яростно, с отчаянием: – Ты же пришел сюда убить? Ну так убей!

– Что? Что ты такое говоришь?! – ошеломленно бормочешь ты.

На миг тебя охватывает ужас. Неужто она каким-то образом оказалась посвящена в эту тайну? Но нет, этого просто не может быть! Она всего лишь увидела кинжал в твоей руке, и...

– Какая тебе разница, кого убивать, меня или Хести? – с отчаянием вопрошает она, и ужас возвращается.

«Она знает! Знает!»

«Так что ж, и ее придется убить?»

Рукоять кинжала леденит ладонь.

– Откуда ты знаешь? – шепотом спрашиваешь ты.

– Подслушала, – откликается она. – Когда его светлость с магом сговаривался.

«И отец не заметил!»

«Убить?»

«Ее убить?!»

– И все рассказала Хести?! – спрашиваешь ты. – Зачем?!

– Я ничего ему не рассказывала! – качает головой она. – Он гордый. Если бы я рассказала, он бы решил, что это и есть его судьба. Его долг. И все равно пришел бы!

– Тогда... где он? – Ты оглядываешься по сторонам.

Никого вокруг. Никого. Лишь легкий ночной ветер шелестит в ветвях деревьев, пролезают в оконные щели да колышет горящие на жертвенном алтаре свечи.

– Я обманула его, – отвечает Роуни. – Назначила ему свидание. На берегу реки, на закате, за несколько часов до того, как он должен был идти сюда. Он пришел. Я напоила его вином с сонным зельем, а когда он уснул...

– Ты пригласила его на свидание?! – в ярости выпаливаешь ты. – Ты... ты была с ним?! С ним?!

– Уллайн, – отвечает твоя девушка. – Я спала с тобой, потому что ты этого хотел. Разве я могла сказать «нет»? Тебе? Сыну графа? А его... его я полюбила.

– Можно подумать, ты в состоянии отличить его от меня! – вырывается у тебя.

– Так я сперва и перепутала, – отвечает она, и внезапная улыбка на миг озаряет ее лицо. Всего на миг. – Думала, что это ты... а потом... научилась вас различать... и полюбила его.

– Именно его?!

– Улл, прости... ты, наверное, когда-нибудь сможешь стать таким, как он... если очень постараться, – виновато говорит она. – Но пока...

Вот теперь и впрямь хочется ее убить. Или хотя бы ударить. Вот только... что-то останавливает. Что-то не дает это сделать.

«О боги! Да она же тут и вовсе ни при чем! – внезапно соображаешь ты. – Честь и месть, заговор и трон... при чем тут она? За что ей все это? И ведь она собиралась умереть! Пришла сюда, зная наверняка, чем это для нее закончится! Сидела, ждала удара, понимая, что еще миг, и от нее останется кучка пепла! Она же в отчаянии была из-за того, что я ее обнаружил...»

«Она готова была умереть ради любимого!»

«И этот любимый – не я!»

«А я сам... любил ли я ее?»

«К демонам это! Любил, не любил... важно совсем другое... А смог бы я вот так сидеть, зная, что меня ждет, зная, что сейчас придут и ножом по горлу, смог бы я это?! Или такой подвиг мне не по силам? Это с мечом в руке умирать хорошо и даже не страшно, а вот так вот?»

«А я собирался ее ударить. Из ревности. Ударить того, кто настолько сильнее духом, чем я сам...»

– Убей меня, – тихо просит Роуни. – Какая тебе разница, от кого останется кучка пепла?

«Вот и ответ на вопрос. Раз она считает, что я в состоянии так с ней поступить... как она может любить меня?»

– Я должен убить своего двойника, – тихо говоришь ей ты. – Пойми, это не моя прихоть. Это долг. Мне очень жаль, что ты в него влюбилась, потому что он обречен. Вот проснется он от твоего сонного зелья, люди отца его увидят и притащат ко мне... Отец хотел, чтоб все было быстро и чисто. Чтоб Хести даже понять ничего не успел.

– А ты получил бы силу для вашего дурацкого заговора, – кивает она. – Я достаточно подслушала, можешь не продолжать.

– Будет лучше всего, если ты отведешь меня туда, где он спит, – говоришь ты ей, почему-то чувствуя себя последней сволочью. – Он даже не успеет проснуться. Мне правда жаль, что так получилось, но...

Роуни внимательно смотрит на тебя и молчит.

– Я рада, что тебе хоть немного стыдно за то, что ты сейчас говоришь, – наконец произносит она, когда тишина становится невыносимо мучительной. – Мне жаль, что твой долг требует от тебя такой...

– Жестокости? – срывается с твоих губ.

Ты так торопишься вставить это слово. Ты знаешь, что она произнесет другое. И ты боишься этого слова, быть может, потому, что сам в глубине души с ней согласен. Вот только... есть ли у тебя выбор?

– Подлости, – отвечает она. С размаху, словно пощечину отвешивает. – Вот только ничего у вас с его светлостью не выйдет. Во-первых, Хести не спит где-то на берегу реки, как ты, должно быть, подумал. Я заплатила лодочнику, так что его уже несколько часов везут на лодке, а где высадят, я все равно не скажу. А во-вторых, он больше не похож на тебя. Вот абсолютно не похож! Так что никто его не узнает, можешь на это не рассчитывать.

– Как? – выпаливаешь ты.

– Ну, я, конечно, не могла купить услуги мага, снимающего столь сильное заклятие, – откликается Роуни. – Но моих скромных сбережений вполне хватило, чтобы купить у одной ведьмы некие чары, искажающие облик. Любой облик, настоящий, наведенный – без разницы. Так что вам его не поймать!

– Он сам вернется! – Ты в этом даже не сомневаешься. – Он же не знает ничего! Решит, что ты проделала с ним дурацкую шутку, из-за которой его не посвятили в оруженосцы, не скрепили магической связью с его рыцарем, то есть со мной. Вот посмотришь, не пройдет и нескольких дней...

В ее глазах на мгновение вспыхивает ужас. И тотчас меркнет.

– Я написала ему письмо, – говорит она. – И все-все про вас рассказала! Про то, какая роль на самом деле уготована ему и остальным двойникам!

– Ты думаешь, он тебе поверит?

Новый ужас в глазах.

– Я же люблю его, – отвечает она наконец. – Должен поверить. А что еще я могла для него сделать? Я написала ему, что, если он мне не поверит и надумает возвращаться, пусть сперва потихоньку проверит, жив ли еще кто-то из других двойников. Я просто не придумала, как сделать лучше...

«Я же люблю его! – зачем-то повторяешь ты ее слова. – А что еще я могла сделать?»

Роуни смотрит на тебя так, что глаза отвести хочется.

– Я так надеялась, что ты меня убьешь, – говорит она.

И ты понимаешь, что никогда не причинишь ей зла. Ни ей, ни ее Хести. И плевать на то, что ему теперь все известно, что он может поставить под угрозу весь заговор. Ты не станешь искать его, чтобы убить. Обманешь мага, солжешь отцу. Ты все равно исполнишь свой долг. Вот только никаких добавочных сил у тебя не будет. Справишься своими собственными. В конце концов, узурпатору когда-то хватило одного себя, так почему тебе не хватит?

Ты справишься.

Поможешь взойти на трон истинному королю.

– Так. Ну, вот что, Роуни... немедленно иди на кухню и принеси мне хорошую такую горсть золы, – приказываешь ты. – Только смотри, чтоб тебя никто не заметил.

– За... зачем? – выпаливает она.

– На пол посыпать. Поскольку кинжал у меня магический, вместо тела здесь должна остаться горстка пепла, – отвечаешь ты, и в ее глазах вспыхивает понимание. И благодарность. И уважение. И...

«Так вот как оно выглядит, когда женщина смотрит на тебя с любовью!» – потрясенно думаешь ты.

И завидуешь Хести. Потому что это на него она будет так смотреть всю свою жизнь. На него, а не на тебя. Что ж, наверное, он заслужил. Ты задумчиво вертишь в руке магический кинжал, его рукоять ледяная... все еще ледяная...

«Так и руку отморозить недолго», – думаешь ты, засовывая кинжал за пояс.

Роуни возвращается быстро. И сама посыпает пол.

– Я ничего не нашла, чтоб ее набрать, так принесла... – говорит Роуни, отряхивая руки.

– Хорошо, – киваешь ты. – Теперь отправляйся в мою спальню. Я приду позже. Когда доложу отцу, что выполнил свой долг. Завтра я придумаю, как тебе выбраться отсюда. Дам денег, напишу подорожную, и езжай, ищи своего Хести. А найдешь – уезжайте подальше. Лучше всего – вообще из страны.

Она кивает. И уходит.

А ты бредешь на реку и с размаху швыряешь в воду магический кинжал. Вода принимает его почти без всплеска.

«Лишь бы маг ничего не проведал».

* * *

– Там оказалось не так уж мало пепла, – сообщаем ты отцу.

– Ты... что-нибудь почувствовал? – с тревогой спрашивает он. – После того как... ударил?

Ты киваешь.

– Что ты почувствовал? – продолжает он.

– Почувствовал, что я прав, – отвечаешь ты.

Он светлеет лицом. Он рад. Он обнимает тебя.

– Я горжусь тобой! – шепчет он.

Он не понимает, что ты имеешь в виду нечто совершенно иное. Ты не собираешься ничего объяснять. Ты не солгал. Ты просто не сказал правды. Или... все-таки солгал? Тогда почему ты не испытываешь чувства вины? Ты не знаешь ответа. Ты не уверен, что тебе нужен ответ. Что сделано, то сделано.

А потом ты отправляешься в свою спальню, и тебя встречает Роуни. Ты ложишься с ней, как много раз до этого. И она обнимает тебя, ища губами твои губы, она хочет отблагодарить тебя. Очень хочет.

– В последний раз... – шепчет она, но ты отстраняешься.

– Я никогда не спал с чужой женой, – отвечаешь ты ей, стараясь сказать это как можно менее обидно. – И сейчас не буду. Я... я потрясен твоим мужеством, понимаешь? И раз ты, такая храбрая, выбрала его... значит, он того достоин, значит, это я, дурак, его не разглядел. И тебя – тоже. Значит, это я чего-то в этой жизни не понял. Так как же я могу посягать на его жену? Это было бы подло.

– Ты так похож на него, – откликается Роуни. – Не лицом и телом, а... как человек. На твоём месте он поступил бы так же.

– Значит, все правильно, – говоришь ты.

– Если б я могла удвоиться, – грустно вздыхает Роуни.

– Не нужно, – отвечаешь ты. – Если бы ты осталась, я бы в тебя влюбился. На самом деле влюбился. А у меня есть долг, который я обязан выполнить. И если понадобится – пожертвовать жизнью. Если я кого-нибудь полюблю, это может ослабить мою решимость. Да и не позволят Уллайну Донгайлю взять в жены простолюдинку...

– Я... понимаю... – Она осторожно, почти неощутимо гладит тебя по голове.

– И... раз уж я вас отпускаю... поклянись, что никто ничего не узнает, – добавляешь ты. – Ни от тебя, ни от Хести.

– Клянусь, – шепчет она. – Никто никогда ничего от нас не узнает!

Вы засыпаете, обнявшись.

* * *

– Его величество король! – возглашает придворный церемониймейстер, и ты наконец-то видишь *его*. Того, кого тебе предстоит когда-нибудь убить. Мальчишку на год младше тебя. Внука узурпатора, предателя и убийцы. Его величество Ремера.

Проклятый узурпатор пережил собственного сына, и трон достался его внуку. Ненадолго достался. На короткое время. До тех пор, пока ты не исполнишь свой долг.

Вместе с другими придворными ты склоняешься перед тем, кому не присягал. И вместе с тобой склоняются твои соратники. И среди них тот, что когда-нибудь станет королем по праву. Внук короля Линнира, его будущее величество Челлис.

Мальчишка, считающийся королем, нагло занимающий место его величества, мило-стиво кивает вам. Он не знает, что в этом зале собрались враги. Он не знает, что их много. Что они сильны. Что их поддержат. Он ничего не знает и не узнает до самого конца.

Что ж, его сторонников в этом зале тоже достаточно. Ты смотришь на мальчишку, занимающего трон, пытаясь отыскать в нем черты его ужасного деда, разглядеть в его взгляде отсвет той кровавой бойни, тех сражений, пожаров и казней. Ты ничего не находишь. Спокойны его глаза, чист и светел взгляд.

«Может ли так быть, что дед ему совсем ничего не рассказывал? – думаешь ты. – Или он лгал внуку? Искажал факты? Валил вину на короля Линнира?»

«Но разве можно спрятать столько пролитой крови? Перетолковать? Объяснить по-другому? Обвинить других?»

«Или этот... все знает? – Ты вновь бросаешь беглый взгляд на короля Ремера. – Знает – и спокоен».

«Быть может, он и сам способен залить кровью дворцовый пол? И даже не утратить при этом невозмутимости. Быть может...»

Ты смотришь на юного короля. Его легкая улыбка кажется тебе зловещей. Ты думаешь о том, что где-то уже встречал такой вот взгляд... совсем недавно встречал. Но кто мог смотреть на тебя подобным образом? Кто?

«Он же не на меня конкретно смотрит, – думаешь ты. – Он смотрит на нас на всех. Вообще на всех».

И все-таки почему его взгляд кажется таким памятным, таким знакомым?

Ты вдруг понимаешь почему. Вспоминаешь. Именно так смотрел на тебя порой твой двойник. Хести. Тот, кого ты должен был убить. Тот, кого ты отпустил живым, нарушив клятву.

У короля другое лицо и другие глаза, но взгляд... этого не может быть, но это так. Взгляд – тот же самый.

«Так не потому ли ты должен был убить своего двойника, что он и король – похожи? Не было ли это своеобразной «магической репетицией»? Не подобрал ли маг всех двойников специально, основываясь на некоем внутреннем сходстве с этим мальчишкой? Не на этом ли основывал он «повышение удачи заговора»? Убить кого-то, похожего на того, кого придется убивать потом? Не чертами лица, а какой-то внутренней сутью, чем-то неуловимым похожего? Сделать уже сделанное? И что случится теперь, когда ты не выполнил приказ? Как это отразится на ходе заговора?»

«Но разве можно было поступить по-другому? И разве не глупо со стороны отца – сначала воспитывать как рыцаря, а потом потребовать совершить бесчестный поступок?»

Ты так и не подружился со своим двойником, наверное, ты не знаешь, каков он, как человек, не знаешь и не узнаешь, но то, на что ради него пошла Роуни...

Но как же так?

Как может быть, что взгляд юного короля, потомка кровавого узурпатора, столь похож на взгляд человека, ради которого Роуни решила пожертвовать жизнью, а ты не исполнил свой долг и солгал отцу?

Ты стоишь и смотришь, смотришь на короля, на этого мерзавца, посмеявшегося украсть чужой взгляд, надеть его, как свой собственный, стоишь и смотришь, пока вдруг не понимаешь с испугом, что и его величество на тебя смотрит. На сей раз – конкретно на тебя.

«Он что-то заметил? Заподозрил? Понял?»

«Быть может, он давно уже все знает?!»

«Неужто из-за меня все рухнет?»

«Или это просто оттого, что я, как дурак, на него тарачился, этикет нарушая?»

Король улыбается и что-то говорит.

Не конкретно тебе, а вообще всем. Кто-то из соратников подталкивает тебя в спину, и ты приходишь в себя.

– Аудиенция закончена, – предостерегающе шепчут тебе на ухо, и ты вздрагиваешь.

– Успеешь еще насмотреться, – шепчут в другое ухо.

Ты склоняешься перед его величеством, и твои соратники склоняются вместе с тобой.

Что ж, невзирая на некое загадочное сходство, его величество Ремер вовсе не твой бывший оруженосец Хести. И ему ты ничего не должен. Внук врага – тот же враг, прирезать его вовсе не будет бесчестным поступком.

* * *

Последние лучи заходящего солнца ложатся на алый гвардейский плащ. Ты поправляешь складку. Теперь это твое повседневное одеяние. Одеяние дворцового гвардейца. А верхушка угловой башни – место, где ты встречаешь почти половину своих закатов и рассветов.

Служба в дворцовой гвардии – достойное занятие для юных лордов. Заслужить алый, вышитый серебром плащ – мечта многих доблестных воинов. Такой плащ открывает дорогу вверх верней, чем сражения и подвиги. Впрочем, ни тебе, ни твоим соратникам ничего заслуживать не нужно. Начать свою взрослую жизнь со службы в дворцовой гвардии – законное право любого из вас. Столь древнюю традицию даже узурпатор не посмел отменить.

– Это одна из самых больших его ошибок, – шепчет тебе Челлис, твой настоящий король, тот, которому ты принес тайную присягу прежде, чем отправиться ко двору узурпатора. Сегодня вы на посту вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.